

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81:008:316

DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-174-185

МИФ И ИСХОДНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЕГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Ставицкий Андрей Владимирович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе,
299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, д. 7.
stavis@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению исходных параметров структурирования мифа с учетом критики структуры мифов, предложенной К. Леви-Стросом в «Структурной антропологии», и является её продолжением. Данная критика исходит из главной методологической ошибки К. Леви-Строса в вопросе поиска структуры мифа, которая строится на установке, что миф является лингвистическим объектом. Однако, не оспаривая эту посылку в принципе, правильнее исходить из того, что миф все-таки не столько лингвистический объект, сколько универсалия культуры. А значит, данный вопрос не может быть решен силами структурной лингвистики без использования опыта других отраслей знания, включая философию, культурологию, антропологию.

В свою очередь, в качестве исходной матричной основы для структурирования мифа целесообразнее взять не мельчайший мифический элемент, типа «фразы», «высказывания», а всё мифологическое пространство как единое целое во всём его бесконечном многообразии.

Связано это с тем, что поразительная способность мифа к трансформации распространяется и на его структуру, где одна часть мифа при ином подходе может не только выступать как целое, но и включать в себя в качестве части то целое, частью которого при другом подходе являлась сама. Данное обстоятельство делает поиск структуры мифа бессмысленным, если одно слово в своём мифологическом значении может вбирать в себя целые миры и выстраивать самые разнообразные отношения в рамках мифологического универсума, подобно капле, вбирающей в себя океан. Поэтому в силу своей пластичности миф обретает структуру того, что мифологизирует, предлагая лишь варианты структуры мифа как понятия, где многообразие подходов и определений системы порождает разнообразие форм её структуры, которые рассматриваются в статье.

Ключевые слова: миф, структура мифа, К. Леви-Строс, универсалия культуры

Введение

Когда темой исследования становится структура мифа, обойти теоретические построения К. Леви-Строса не представляется возможным. Ведь в общенаучных представлениях именно его «Структура мифов» является самым знаковым вкладом в изучение мифа великого французского антрополога [Леви-Строс 2001: 213-242]. Однако более полувека его идеи не подвергались сомнению. И напрасно. Причиной тому был довольно банальный для науки сюжет, когда, увлечшись частностями, исследователи не рассмотрели исходных посылок, заложенных в основу его гипотезы, согласно которым миф им тогда рассматривался не как универсалия культуры, но как лингвисти-

ческий объект. Тем самым он лишь подтвердил известную сентенцию, что о величии мыслителя можно судить не только по тому, насколько он продвинул науку, но и по тому, насколько он её задержал. В предыдущей публикации нам удалось показать, в чём именно ошибался К. Леви-Строс [Ставицкий 2018]. Но этого мало. Нужно двигаться дальше. Ведь если структурная лингвистика не в состоянии решить проблему структурирования мифа как целого, для её решения требуются усилия других наук с исходной установкой на то, что миф в первую очередь не «лингвистический объект», а универсалия культуры [Ставицкий 2012: 543]. И, значит, настала пора рассмотреть исходные параметры структурирования мифа как культурной универсалии. А помочь в этом может великий русский исследователь мифа А.Ф. Лосев.

Размышления А.Ф. Лосева о структуре мифа как понятия

Когда среди специалистов в области мифологии обсуждается структура мифа, А.Ф. Лосев, как правило, не фигурирует. На него не ссылаются. А если и говорят о нём, его вклад в изучение мифа, то большей частью о чём-то другом. Вместе с тем, о структуре мифа А.Ф. Лосев писал много и со вкусом, посвящая ей десятки страниц. И поэтому игнорировать его мнение будет неправильным. Однако, поскольку структура данной работы не позволяет развернуть его позицию в полной мере, мы ограничимся по ней лишь ключевыми соображениями, которые смогут помочь нам в дальнейшем.

К чему же в первую очередь мы хотели бы привлечь внимание? На наш взгляд, исходная методология мифа по А.Ф. Лосеву, может основываться на названии его ключевой работы по данной тематике «Диалектика мифа», которую в итоге своего исследования он представляет как «развернутое магическое имя» [Лосев 1999: 387].

Иначе говоря, взяв за основу исследования мифа принципы диалектики, А.Ф. Лосев уже тем самым определил, в каком ключе он собирается миф структурировать. Ведь диалектическую структуру триады (тезис – антитезис – синтез) уже можно воспринимать как основу структуры мифа, не отягощая её частными деталями. Причём, основу не догматическую, а живую, пребывающую в развитии и открытую всему, что может её насытить, усложнить, обогатить. Об этом сам А.Ф. Лосев написал так: «Если мы не заткнём диалектику в самом же начале, а дадим ей развиться до конца, то она найдёт нам и тот синтез, который совместит в едином и нераздельном бытии и стихию субъекта, и стихию объекта. Это будет, конечно, личность, о которой всякий здравомыслящий скажет, что она есть обязательно и субъект, и объект» [Лосев 1999: 393]. Другими словами, диалектика предлагает не только основу структуры, но и исходный для её развития метод. Причём, максимально универсальные. И это, безусловно, правильно, ведь миф – универсалия культуры, которую следует трактовать и рассматривать максимально расширительно [Ставицкий 2012: 192].

Что касается собственно структуры, сам А.Ф. Лосев об этом написал следующее: «В мифе ... наблюдается своя собственная, специфическая разделенность и диалектическое противоречие», т.к. «миф ... доступен триадическому делению». Развивая свою мысль далее, А.Ф. Лосев подчёркивает: «Личность, история и слово [здесь и далее: курсив А.Л.] – диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это – диалектическое строение самой мифологии, структура самого мифа. Вот почему всякая реальная мифология содержит в себе 1) учение о первозданном светлом бытии, или просто о первозданной сущности, 2) теогонический и вообще исторический процесс и, наконец, 3) дошедшую до степени самосознания себя в инобытии первозданную сущность» [Лосев 1999: 382-383].

Однако по ходу своих рассуждений к трём уже заявленным компонентам А.Ф. Лосев добавляет ещё одно: «чудо», без которого он не может сформулировать окончательное определение. В результате в его «формуле» оказалось «четыре члена: 1) личность, 2) история, 3) чудо, 4) слово» [Лосев 1999: 382-385], – которую можно было бы представить как структуру мифа, что исследователи творчества А.Ф. Лосева, как правило, и делают, если бы не одно важное обстоятельство. И оно заключается в том, что в данном случае речь идёт не о мифе вообще, а о мифе как понятии. О чём он и написал далее: «На этом придется мне и закончить свое феноменолого-диалектическое раскрытие понятия мифа» [Лосев 1999: 387]. Немного ниже А.Ф. Лосев ещё раз подчеркнул: «То, что мы исследовали, можно назвать исследованием понятия мифа. Мы фиксировали самые основные и примитивные моменты, без которых миф невозможен как миф. Но этим, разумеется, еще ничего не сделано для реального анализа реальных типов мифологии. Миф не есть понятие мифа. Из тех смысловых установок, которые мы нашли в понятии мифа, вернее, из их различной комбинации, мы должны получить диалектическую классификацию сначала основных типов мифологии вообще, а потом и диалектическую структуру отдельных мифов. Этим занимается следующий выпуск моего общемифологического труда» [Лосев 1999: 387].

Кстати, с учётом того, что в определении мифа А.Ф. Лосев исходил из понятия «имя» («миф есть имя»), можно ещё привести пример его некоторой структуризации: «Имя есть собственное слово личности, то слово, которое только она одна может дать и выявить о себе. В имени – диалектический синтез личности и ее выраженности, ее осмысленности, ее словесности» [Лосев 1999: 385]. Однако, на наш взгляд, это лишь ещё один пример того, как можно структурировать понятие мифа с учётом его структурной универсальности.

Итак, как видим, А.Ф. Лосев явно не был намерен ограничиваться только выявлением структуры понятия 'миф'. И хотя анонсированное им произведение так и не было написано, его варианты структурирования мифа структурой понятия не ограничились.

Так, в частности он писал: «Все эти мифологические идеи – индийская, египетская, греческая, православно-христианская, католическая, протестантская, атеистическая и пр. – в свою очередь складываются в одну общую синтетически-воплощаемую во всемирно-историческом процессе Идею, и возникает, таким образом, единая всемирно-человеческая мифология, лежащая в основе отдельных народов и их мировоззрений и постепенно осуществляемая путем смены одной религиозно-мифологической и, следовательно, исторической системы – другою» [Лосев 1999: 384]. И этот текст даёт нам основание полагать, что в будущем А.Ф. Лосев планировал данную модель развернуть в более конкретных исследованиях.

Впрочем, и того, что диалектика позволяет заложить в основу изучения мифа, как структуру, так и метод её развёртывания, нам вполне достаточно. Хотя этим, разумеется, анализ структуры мифа явно не исчерпывается. Ведь и само итоговое определение мифа, которое он даёт, как «развернутое магическое имя» [Лосев 1999: 386], содержит в себе структуру. Хотя не всем может быть понятно, в чём она.

Чтобы позиция А.Ф. Лосева была по данному вопросу яснее, нам придётся обратиться к ещё двум работам выдающегося российского философа. Первой из них является написанная примерно в то же время, что и «Диалектика мифа», «Философия имени», где им были развёрнуты «до-предметная структура имени» [Лосев 1999: 46-

92] и «предметная структура имени» [Лосев 1999: 93-139]. Того «имени», что и есть миф. Имени, которое, по его словам, «победило мир» [Лосев 1999: 153].

В итоге рассмотрения двух «структур имени» А.Ф. Лосев составил «таблицу 67 моментов в имени», которую можно представить как его структуру или один из её вариантов [Лосев 1999: 147-149].

Причём, помимо этого, у А.Ф. Лосева есть ещё небольшая, но важная работа, подводящая итог предыдущим исследованиям, под названием «Миф – развернутое магическое имя» [Лосев 1999: 405], где он сначала рассматривает миф «троично», а затем выясняет «иерархическую природу имени» [Лосев 1999: 420].

Однако разбирать данные структуры мы не будем, ограничившись лишь констатацией того, что даже упоминание предложенных А.Ф. Лосевым моделей структур даёт значительно больше оснований для вариантов структурирования мифа, чем мы можем найти у К. Леви-Строса [Леви-Строс 2001]. Ведь в данном вопросе А.Ф. Лосев ничем себя не ограничивает, трактуя миф не как «лингвистический объект», а как культурную универсалию [Ставицкий 2012]. Но, видимо, основная его мысль, что миф «наиболее яркая и самая подлинная действительность, ... совершенно необходимая категория мысли и жизни» [Лосев 1999: 210], оказалась для исследователей его творчества настолько довлеющей, что описание им мифологических структур они как-то проглядели. А жаль.

И в заключении нам остаётся добавить, что само понятие «слово», которое мы рассматриваем как поименование всего, что нас окружает, следует понимать как диалектический феномен, не очень понятный нам, если мы не вспомним о том, что у древних (эллинов) «слово» могло обозначаться двумя понятиями: «мифом» и «логосом», где первый ассоциировался с чем-то тёмным, непонятным, алогичным, хаотичным, вне-правильным, а второй – с правильным, упорядоченным, структурирующим, устойчивым началом. И между ними была существенная разница, соотносимая с разницей между «порядком» и «хаосом».

В своё время, начиная с Ксенофана, Платона и Аристотеля, мыслители стали отдавать предпочтение «логосу», а «миф» ассоциировать с чем-то ложным, иллюзорным, отжившим. И эта позиция сохранилась в науке до сих пор [Ставицкий 2012: 192]. Она, разумеется, очень удобна. Однако современный подход к мифу, который был заложен ещё А.Ф. Лосевым, требует эти начала уравнивать. Так структура мифа обретает свою динамически проявляемую устойчивость и цельность, которая показывает, что в ней заложена одна из ключевых тайн мифа [Ставицкий 2012: 238].

Кстати, поскольку написанная в 1923 г. «Философия мифа» была опубликована лишь через 4 года, А.Ф. Лосев в предисловии к ней делает одно довольно любопытное признание: «Я ... до чрезвычайности жалею, что не напечатал эту книжку тогда же, в 1923 году. Дело в том, что тогда бы я за нее отвечал целиком. Тогда мне было все ясно, о чем я писал. Теперь же похвалиться в полной мере этим не могу» [Лосев 1999: 31]. Это признание дорогого стоит, показывая, что даже для великого исследователя мифа А.Ф. Лосева он таил достаточно загадок, многие из которых не открыты до сих пор.

Методологическая ограниченность структурной лингвистики при выявлении структуры мифа

Хотя в трудах К. Леви-Строса миф предстаёт как результат «величайшей степени организованности на первый взгляд произвольных продуктов человеческого духа» [Леви-Строс 2001: 752], определить характер и структуру его организации К.

Леви-Стросу фактически не удалось. И вряд ли удастся его последователям. В самом деле, как быть со структурой мифа, построенной на «фразе», как исходной «единице» мифа-высказывания, когда одна буква алфавита может вмещать в себя символику космогонии, коды таинств смерти и возрождения, скрытые сакральные смыслы вещей [Генон 2002], которые так упоительно описывал сам К. Леви-Строс? Понятно, что данная мифическая структура в силу своей искусственности без множества оговорок, допущений и условностей просто не работоспособна. Но что в результате их остаётся в этой структуре от самого мифа? В какую клетку его пытаются этим загнать? В какую ловушку поймать? Каким прибором измерить? Каким инструментом вычерпать или обезоружить? Ясно, что, подобно воде в решете, миф для данной структуры неуловим. Неуловим, как целое. Но в качестве своеобразного утешительного приза миф способен подарить сторонникам предложенного К. Леви-Стросом варианта структурирования свою оригинальную мифологию, с помощью которой они будут ещё многие годы оправдываться в духе тех, кто ищет серую кошку в тёмной комнате, не зная, что её там нет, всячески скрывая её исходную бесплодность и тупиковость.

Ведь, положив в основу структуры мифа высказывание, К. Леви-Строс выстроил её таким образом, что все остальные элементы мифа стали рассматриваться как внесистемные, исключив полноту значений, без которых миф просто не существует, проявляясь разом во всём на всех возможных для него уровнях. Однако насколько это было в ходе исследования оправдано? Ведь в данном случае произошла невольная подмена качественных показателей количественными. Многомерная динамика заменена односторонней линейностью. Многообразие исходных установок заменено моноличным единообразием. Значит, процесс исследования мифологических структур в его варианте определялся уже не логикой мифа, а соображениями удобства понимания применительно к тому, что уже было известно и наработано в рамках структурной лингвистики. Но структурной лингвистикой анализ мифа не исчерпывается и не будет исчерпан никогда.

К сожалению, соблазн свести миф к совокупности связанных друг с другом по смыслу слов и предложений, вписав их в понятие «высказывание», поскольку смысл любого слова выражается в совокупности других слов, связанных по смыслу в предложения, для К. Леви-Строса оказался слишком сильным. Ещё удобнее считать предложения исходными элементами логической структуры, так как выражаемая ими мысль обычно более определённа по сравнению с мыслью, выраженной отдельными словами. Так за основу структуры ложится структурная единица «фраза». Но фраза делится на слова, а слова имеют своё значение и усвоение их смысла предшествует соединению их в предложения. И если ошибочны исходные посыпки, каков будет общий результат? В любом случае, он всегда будет разным.

Особенности мифа в контексте его структурирования

Однако, если структурная лингвистика не в состоянии решить проблему структурирования мифа как целого, для её решения требуются усилия других наук с исходной установкой на то, что миф в первую очередь не «лингвистический объект», а универсалия культуры.

При этом следует учесть, что согласно общим принципам и подходам структурного описания мифологических систем, требующим выявлять множество элементов и отношения между ними в рамках мифа как целого, вряд ли будет успешным такой вариант, где целое подменено самой малой частностью. Ведь частность не даёт

возможности раскрыть строение системы как целого. А при учёте целого, это вполне возможно.

К тому же, ставка на мифическое «высказывание» не обеспечивает необходимое для успешного функционирования разнообразие множеств на основе структурного и функционального подобия и не может учесть мифологической, семиотической и языковой неоднородности. Тогда как грамотный учёт этих данных в рамках мифа как целого в совокупности создаёт состоящую из двух и более интегрированных структур единую инвариантную биполярную модель, включающую в себя весь комплекс составляющих – от «право-» и «левополушарного» мышления до разноязычных субтекстов текста, построенных на принципиальном полиглотизме культуры.

Впрочем, предыдущие соображения не означают, что путь, заложенный исследованием К. Леви-Строса, себя полностью исчерпал. Ведь знаковая, или синтаксическая, структура является наиболее доступным показателем аспектом структуры научного знания. В свою очередь семантический анализ даёт различные интерпретации структуры мифа, укладывающейся в схему «знак – значение». Она в свою очередь может выстраиваться в соотношениях: знаки – чувственно воспринимаемые предметы, знаки – образы или изображения, знаки – операции и т.п. А это значит, что данная структура может усложняться за счёт дальнейшего анализа значений. Но очевидно также, что у подобной структуры должно быть чётко проявленное «ядро», и «высказывание» им быть не может.

Как видим, общее направление подобных исследований вполне допустимо, но исходные подходы в нём придётся существенно корректировать. И мы попробуем это сделать. Ведь критика сделанного К. Леви-Стросом мало чего стоит без конструктивных идей и мер. И нам необходимо предложить и обосновать такие подходы и варианты структурирования, которые позволят исследователям идти дальше, основываясь на том, что структура мифологических сюжетов или структура мифа как речевого высказывания структурой собственно мифа в рамках всего мифологического пространства быть не может. Ведь миф во всей своей многообразной полноте и целостности к ним не сводится. Следовательно, то, что предлагалось К. Леви-Стросом в качестве структуры мифа, есть лишь структура его зафиксированного в определённой последовательности повествования. Возможно, одна из многих. По крайней мере, в зависимости от того, будет ли это высказывание выстроено парадигматически (ассоциативно) или синтагматически (линейно), а также насколько грамотно переведено, сам миф как играющая смыслами целостность для этого высказывания будет неуловим.

К тому же не ясно, как быть с тем, что миф одновременно может быть представлен как целостный знак, как последовательность знаков и как их структурная иерархия? Ведь текст мифа может как распаться на знаки, так и выступать Знаком иного уровня сам. И эти черты его смысловой проявленности могут отражаться и в одном символически окрашенном слове, и во фразе, и в мифологическом сюжете, и во всём имеющем сложную иерархическую структуру мифологическом пространстве, воспринимаемом как единый целостно проявленный миф [Осаченко 1997].

Известно, что одно слово в своём мифологическом значении может вбирать в себя целые миры и выстраивать самые разнообразные отношения в рамках мифологического универсума, подобно капле, вбирающей в себя океан. Но включённое в ту или иную структуру (фразу, мифологический сюжет или социальную мифологему), оно будет всего лишь минимальной структурной единицей [Руберт, Шишова 2001]. В

подтверждение этого можно сослаться хотя бы на довольно известную работу выдающихся семиологов Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского «Миф – имя – культура» [Лотман 2004: 525-543], где мифологический семиозис раскрывается как процесс номинации, поскольку «знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени» [Лотман 2004: 527].

Таким образом, в связи с поставленной ранее проблемой поиска более конструктивных вариантов структурирования мифа, перед нами встаёт ряд методологических вопросов, которые закладывают исходные императивы последующего познания. Что при определении структуры мифа положить в её основу? Как нам рассматривать структуру мифа: как некую закрытую и абстрагированную от общего, вырванную из смыслового контекста частность или речь идёт обо всём мифологическом пространстве? Из чего нужно исходить для выработки подходов в рассмотрении структуры мифа – из мифа как целого или из максимально малых его частей?

В связи с этим, исследователям мифа необходимо учитывать следующее:

1) Поскольку миф универсально пластичен и повторяет структуру того объекта, который подвергает мифологизации, по всей видимости, поиски единой для всех мифов универсальной структуры не будут плодотворными. Ведь проблема определения мифологической структуры – не поиск атомарной разновидности того или иного частного акта мифотворения, а системное моделирование интеллектуального инварианта как такового. Это значит, что исходной точкой исследования должен быть не конкретный единичный миф, а всё мифологическое пространство, наполненное определённой символически освящённой, знаково неоднородной и обладающей определённой степенью непредсказуемости информацией, способное хранить, генерировать, создавать, трансформировать и транслировать её. И в этом оно аналогично семиотическому пространству.

2) Мифологическое пространство заполнено множеством находящихся в самых разных отношениях друг с другом разнородных элементов, которые, взаимодействуя и сталкиваясь разными смыслами, колеблются между полной тождественностью и абсолютным несовпадением. «Эти разноязычные тексты одновременно включают в себя обе возможности, то есть один и тот же текст может быть по отношению к некоему смысловому ряду в состоянии пересечения, а к другому – тождества. Это разнообразие возможных связей между смысловыми элементами создает объемный смысл, который постигается в полной мере только из отношения всех элементов между собой и каждого к целому. Кроме того, следует иметь в виду, что система обладает памятью о своих прошедших состояниях и потенциальным «предчувствием» будущего» [Лотман 2004: 146].

3) При формировании структуры мифа в первую очередь следует исходить из того, что многообразие подходов и определений системы порождает разнообразие форм её структуры. К тому же миф не существует сам по себе. Он наделяет смыслом и значимостью то, что нас окружает и, пропитывая их своим мифическим содержанием, сам копирует их в том числе и с точки зрения структуры. Поэтому, чтобы понять структуру конкретного мифа, надо выяснить, какой именно элемент мифического пространства мы структурируем. И из этого исходить.

Миф как пространство в рамках соотношения частного и целого

При анализе возможных вариантов структуры мифа особое внимание привлекает удивительная способность мифа к трансформации, которая в свою очередь требует учесть следующее:

1) Благодаря ей, миф может разворачивать и подавать любую свою часть, как целое, соотнося её с чем-то, что напрямую с данным мифом может и не соотноситься. «Любая часть, отдельная структура исчерпывающе репрезентирует целое, всю систему, ибо её структуры эквивалентны» [Шоркин 1996: 39], – не без оснований заключает по этому поводу А.Д. Шоркин. И мы не будем против данного вывода возражать. Но уточним, что способность мифа к трансформации распространяется и на его структуру.

2) Пластичность мифологических структур настолько поразительна, что одна часть мифа при другом подходе может не только выступать как целое, но и включать в себя в качестве части то целое, частью которого при другом подходе являлась сама. Следовательно, исходные узлы и уровни мифологической структуры будут меняться в зависимости от того, что положено в её основу в качестве «ядра».

3) Процесс структурирования происходит в определённых рамках. И они должны быть, хотя бы в самых общих чертах определены. Значит, занимающемуся изучением структур мифа исследователю необходимо учитывать, что в самом широком смысле структура представляется, как обобщённая характеристика специфических системных свойств, фиксирующая в абстрактной форме элементы, отношения, связи системы между частями целого, их упорядоченность и внутреннюю организацию.

Отсюда следует, что для того чтобы разобраться в структуре мифа, надо рассматривать его как целое в максимально выраженном для него объёме. То есть как цельную и самодостаточную мифосистему. Значит, у мифа нет какой-то одной структуры, так как она выстраивается вокруг определённых исходных установок. И поэтому сводить миф к какой-то пусть и наиболее важной частности, в данном случае – к повествованию, высказыванию, к сюжету про Эдипа [Леви-Строс 2001: 221-226] или «беременного мальчика» [Леви-Строс 2001: 243], как это делал К. Леви-Строс, по сути, означает упрощать его для удобства собственного понимания, выстраивая миф под себя.

4) Анализ мифа и социокультурного мифотворчества выстраивается в рамках двух исходных полярных, но ключевых контекстов – личности и социума, индивидуального сознания и среды, в которой эта личность формируется и реализуется. Выступая своеобразными точками отсчёта, они в свою очередь формируют своё мифологическое пространство, в котором и личность, и общество будут жить, развиваться и выживать.

5) В свою очередь для анализа мифического наиболее целесообразным, на наш взгляд, следует выделить три основных аспекта: антропологический, культурный и социальный. И в рамках этого стягивающего смыслы треугольника будет разворачиваться мифическая структура бытия. Эта структура формирует «образ» пространства мифа и в силу разности его основных взаимодействующих элементов этот образ постоянно меняется.

6) Пространственная структура мифа организована неравномерно. Она имеет одно и более узловых (ядерных) образований и размещённую между узлами структуры периферию. «Центр» и «периферия» противостоят друг другу и активно друг с другом взаимодействуют. При этом:

- ядра составляют свои относительно самостоятельные подсистемы, взаимодействующие и друг другу противостоящие в рамках целого;

- в силу постоянных внутренних изменений «периферия» и «центр» могут периферически меняться местами или становиться частью чего-то третьего.

7) В связи со сказанным особо следует оговорить, что потенциально, таким

«центром» (смысловым ядром) в мифе может стать любой элемент. Всё, что угодно. И это означает, что общепринятой структуры и у мифа нет, а точнее он является и не является структурой одновременно, сохраняя некий роевой, сетевой принцип.

8) Кроме того, в рамках общего пребывающего в динамике мифического пространства мы не можем исключить наличие структурных узлов и «поля» своеобразной «дезорганизации». Они обеспечивают способность мифов к регенерации. То есть, самовосстановлению через преобразование внешних возмущений в факторы внутренней структурной организации. Таким образом, в мифе механизм самоорганизации сочетается с механизмом самодезорганизации. То, что окостеневает, подлежит разложению. Что разложилось, готово к новой самоорганизации. Благодаря этой динамике все структуры мифа отвечают реальности его системного существования.

9) Активное взаимодействие центра и периферии, а также различных центров между собой обеспечивает структурную динамику мифологического пространства, в основе которой лежит механизм трансформации, приводящий к активному вовлечению новых структур и периодическому взаимоперемещению ядра и периферии. Механизм структурной динамики обеспечивает динамическое состояние системы через взаимные перемещения, смену актуальности и полюсов внутреннего напряжения.

В основе трансформации лежит смена главного и второстепенного, центра и периферии, однозначного и амбивалентного, существующего и «несуществующего», системного и внесистемного, ценного и лишённого ценности, описываемого и не подлежащего описанию. Более гибкая структура периферии является естественным накопителем тех структурных форм, которые на следующем этапе развития системы могут оказаться доминирующими и из периферии переместиться в центр.

10) Для понимания внутренней динамики мифологических структур важно также учесть своеобразную неравномерность его пространства. Структурно мифологическое пространство строится на основе выделения в нём элементов системы и связей, сохраняющих свою неизменность при любых изменениях и преобразованиях. Эти элементы составляют структуру системы и являются для неё существенными. То, что признаётся при этом маловажным и несущественным, может не приниматься в расчёт.

Именно с подобными неизменными структурами «работает» наука, в той или иной степени абстрагируясь от остального и выводя его из системы, делая внесистемным. Понятно, что пренебрегать маловажными изменениями ради удобства понимания приходится, чтобы понять главное. Но мифология – слишком подвижная система для этого [Миф в истории, политике, культуре 2018: 62-66, 84-87, 105-110, 299-304]. Она постоянно меняется и преобразуется в соответствии с отражаемой ею реальностью. И её подвижность обеспечивается теми «маловажными» изменчивыми элементами, которыми исследователь может и, как правило, считает возможным пренебречь. Именно поэтому, в зависимости от исходных исследовательских подходов, мифическая структура может быть вариативной. И число этих вариантов, по всей видимости, ничем не ограничено, кроме нашей фантазии.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, в качестве исходной матричной основы целесообразнее взять не мельчайший мифический элемент, типа «фразы», «высказывания», а всё мифологическое пространство как единое целое во всём его бесконечном многообразии. Ведь для мифа приоритет «целостности» является определяющим, но единство его выстраивается из многообразия динамично взаимодействующих между собой множеств, где структуру предлагает не сам миф, но то, что он мифологизирует.

Литература

- Генон Р. Тайны буквы «нун» // Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С. 174–179.
- Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т.4. Человек голый. М., 2007. 784 с.
- Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. (Серия «Психология без границ»).
- Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2004. 704 с.
- Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. 592 с.
- Осаченко Ю.С. Философский миф в структуре философского знания // II Копнинские чтения. Томск, 1997. С. 128–132.
- Руберт И.Б., Шишова Ю.Л. Мифологема как единица семиотики культуры // Молодежная культура и ценности будущего. СПб., 2001. С. 9–14.
- Ставицкий А.В. Наука и миф: проблема соотношения // Философия хозяйства. №2. 2014. С. 167–176.
- Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
- Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
- Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
- Ставицкий А.В. Структура мифа по К. Леви-Стросу: опыт несостоятельного // Вопросы психолингвистики, 2018, № 1(35). С. 126–140.
- Шоркин А.Д. Схемы универсумов в истории культуры. Опыт структурной культурологии. Симферополь. 1996. 216 с.

MYTH AND INITIAL PARAMETERS OF ITS STRUCTURING

Andrey V. Stavitsky

Associate Professor of the Department of History and International Relations
Branch of MV Lomonosov Moscow State University in Sevastopol,
299001, Sevastopol, str. Heroes of Sevastopol, 7
stavis@rambler.ru

The article considers the initial parameters of the myth structuring while taking into account the criticism of the myths structure proposed by K. Levi-Strauss in “Structural Anthropology” and the followed works. This criticism comes from the main methodological error of K. Levi-Strauss in the search for the structure of the myth, which is based on the attitude that the myth is a linguistic object. However, without disputing this premise in principle, it is more correct to proceed from the fact that the myth is still not so much a linguistic object as the universal of culture. This means that this issue cannot be resolved by

structural linguistics without using the experience of other branches of knowledge, including philosophy, cultural studies, and anthropology.

In turn, as an initial matrix basis for structuring a myth, it is more expedient not to take the smallest mythical element, such as “phrases”, “utterances”, but the entire mythological space as a single whole in all its infinite diversity. This is due to the fact that the striking ability of the myth to transform extends to its structure, where one part of the myth with a different approach can not only act as a whole, but also include as a part the whole, of which the other was a part. This circumstance makes the search for the structure of a myth meaningless if one word in its mythological meaning can absorb whole worlds and build a wide variety of relationships within a mythological universe, like a drop that absorbs the ocean. Therefore, by virtue of its plasticity, myth acquires the structure of what it mythologizes, offering only variants of the structure of myth as a concept, where the diversity of approaches and definitions of a myth-system generates a variety of forms of its structure, which are considered in the article.

Keywords: myth, structure of myth, K. Levi-Strauss, universal of culture

References

Genon R. Tayny bukvy «nun» [Secrets of the letter «Nun»] // *Genon R.* Simvoly svyashchennoy nauki [Sacred milestones of science]. M.: Belovodye. 2002. S. 174–179. (In Russian).

Levi-Stros K. Mifologiki [Myth-logics]. V 4-kh tt. T.4. Chelovek golyy [The man is naked]. M., 2007. 784 s. (In Russian).

Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology] / Per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova. M.: EKSMO-Press, 2001. 512 s. (Seriya «Psikhologiya bez granits»). (In Russian).

Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. SPb.: Iskusstvo–SPB. 2004. 704 s. (In Russian).

Losev A.F. Samo ye samo: Sochineniya [The most very: Writings]. M.: ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 1999. 1024 s. (In Russian).

Mif v istorii, politike, kulture [Myth in History, Politics, Culture]: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdistsiplinarnoy zaochnoy konferentsii (noyabr 2017 goda. g. Sevastopol) [Collection of materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol)] / Pod redaktsiyey O. A. Gabriyelyana. A. V. Stavitskogo. V. V. Khapayeva. Sevastopol: Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole. 2018. 592 s. (In Russian).

Osachenko Yu.S. Filosofskiy mif v strukture filosofskogo znaniya [Philosophical myth in the structure of philosophical knowledge] // II Kopninskiye chteniya [II Kopninsky reading]. Tomsk. 1997. S. 128–132. (In Russian).

Rubert I.B. Shishova Yu.L. Mifologema kak edinita semiotiki kultury [Mythologem as a unit of semiotics culture] // *Molodezhnaya kultura i tsennosti budushchego* [Youth culture and values of future]. SPb., 2001. S. 9–14. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Nauka i mif: problema sootnosheniya [Science and myth: the problem of correlation] // *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of economy]. № 2. 2014. S. 167–176. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Ontologiya sovremennogo mifa [Ontology of the modern myth]. Sevastopol: Ribest. 2012. 543 s. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Sovremennyy mif i ego osnovnyye funktsii [The modern myth and its main functions]. Sevastopol: Ribest. 2012. 238 s. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Sovremennaya mifologika: opyt postizheniya Inogo [Modern mythology: the experience of comprehending of Other]. Sevastopol: Ribest. 2012. 192 s. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Struktura mifa po K. Levi-Strosu: opyt nesostoyatel'nogo [The structure of the myth of K. Levi-Strauss: the experience of the insolvent] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. M., 2018. № 1(35). S. 126–140. (In Russian).

Shorkin A.D. Skhemy universumov v istorii kultury. Opyt strukturnoy kulturologii [Schemes of universes in the history of culture. The experience of structural culturology]. Simferopol. 1996. 216 s. (In Russian).